

"Окаянные дни" Петра Нилуса Хроника 1919 года

Петр Александрович Нилус покинул родину в возрасте пятидесяти лет, уже известным художником, писателем, публицистом, общественным деятелем. Он — один из тысяч отечественных интеллигентов, судьба которых была разделена революцией на "до" и "после". Каждый из эмигрантов, кроме понятных внешних причин — стремительно меняющейся политической ситуации, войны, насилия, лишений, страха, голода, разрухи, — имел и личную, внутреннюю причину отъезда. В единственной существующей на сегодняшний день небольшой монографии о П. Нилусе, опубликованной к тому же более 40 лет назад, причина эмиграции художника определяется так: "Поддавшись вражеской денкинской агитации, которая не скупилась на раздувание всяческих легенд про "большевистские ужасы", Нилус выезжает за границу"¹. На самом деле, как увидим из хроники жизни художника в предэмиграционный год, все было сложнее (вплоть до "наоборот") — Нилус сам активно участвовал в денкинской агитации, создавая антибольшевистские плакаты. К концу 1919 года, когда стало понятно, что белое движение обречено, отъезд был для него предreshен.

В отличие от своего друга И.А. Бунина, описавшего события 1919 года в знаменитых "Окаянных днях", и от его жены В.Н. Муромцевой-Буниной, Нилус не вел дневниковых записей. Данная хроника синтезирует многочисленные фрагментарные сведения о деятельности художника в 1919 году, сохранившиеся в одесской периодике, архивах, каталогах выставок, записях Буниных и, главное, в статьях и эссе самого художника. Именно сквозь эти авторские тексты воссоздаются многие грани его личного, порою противоречивого, эклектичного отношения к событиям и творчеству.

Попытка осмыслить предысторию эмиграции Нилуса, предваряющая житейские и творческие ситуации, в которых он оказался после отъезда из Одессы, на наш взгляд, представляется целесообразной. Она позволяет не только детально реконструировать этот переломный год в его биографии, выявить творческие контакты с художниками, писателями, журналистами, учеными (многие из которых, как и Нилус, оказались в скором времени в эмиграции), но и, что более важно, представить динамику его художественно-эстетических принципов и пристрастий в один из наиболее сложных периодов.

Любопытны его оценки реалий художественной жизни Одессы 1919 года. Художественная среда города была разделена на два противоборствующих лагеря: Товарищество южнорусских художников, пытавшееся сохранить и отстоять позиции традиционализма, и Общество независимых, ориентирующееся на новаторские, авангардные эстетические концепции. В это время борьба между ними достигла апогея и зачастую выходила за рамки эстетического противостояния в плоскость политическую. По сравнению с большинством коллег из лагеря ТЮРХ, Нилус относился к опытам "независимых" достаточно толерантно, однако ряд его суждений о новом искусстве столь же бескомпромиссен. Так, в пространной статье "Интеллигенция будущего", делая краткий экскурс в историю развития отечественного искусства начала XX века, Нилус утверждает, что прогресс остановился на деятельности художников "Мира искусства", и относит экспрессионизм и футуризм к упадочным направлениям.

Отметим и другое. Даже беглый просмотр каталогов одесских выставок 1919 года выявляет некие метаморфозы Нилуса. Тематика экспонируемых им работ во многом менялась в зависимости от политической ситуации. При большевиках выставлялись работы из выполненной в 1917 году серии "Манифестации". При Деникине — ретроспекции "Шестидесятые годы" и элегические романтизированные пейзажи.

Отношения между близкими друзьями — Буниним, Буковецким и Нилусом — в этот драматический период были сложными. Как увидим, они не всегда достигали взаимопонимания во взглядах на политику и искусство. Бунин во время одесского "сидения", описанного им в "Окаенных днях", был уже изгнанником, беженцем от диктатуры революции, и посему убежденным и бескомпромиссным противником идеи большевизма. Нилус еще ощущал себя "дома" и при приходе в Одессу большевиков в апреле 1919 года мог, мягко говоря, добросовестно заблуждаться романтической идеей обновления искусства, возможность которого, как он считал, открывает революция.

Характерный представитель либеральной отечественной интеллигенции, Нилус в этот последний год жизни в Одессе довольно непоследовательно сочетал в себе прагматизм, желание приспособиться к новым условиям с мечтательным романтизмом, даже прожектерством. Вместе с тем не без влияния Бунина приходило постепенное понимание сути происходящего — и страх перед будущей большевистской Россией. Отсюда бесконечные и вполне естественные для того, уже далекого времени колебания и внутренние противоречия.

Мы почти ничего не знаем о религиозных воззрениях Нилуса. Но в упоминавшейся статье "Интеллигенция будущего" он, пытаясь прогнозировать возвращение интеллигенции к народу, видел этот путь через "возвращение к дому Церкви, любви к ближнему".

Датировка информации в "Хронике" составителем не корректировалась и приведена по датам, указанным в первоисточниках.

Декабрь 1918 — январь 1919

С 17 декабря 1918 г. по 4 апреля 1919 г. в Одессе французские войска. В декабрьском номере литературно-художественного альманаха "Огоньки" (№ 30) была опубликована "Анкета Огоньков: Привет союзникам", где свое отношение к высадке французского десанта высказали И. Бунин, А. Кипен, Л. Гроссман и П. Нилус. Последний не без патетики писал: "Союзники! Вас привела к нашим берегам та самая рука Провидения, которая таким дивным путем дала возможность Вам восторжествовать над бывшим врагом. Вы пришли к нам с мечом, но я уверен, что Вам не придется его обнажать. Вы больше не офицеры, не солдаты. Вы — слуги Господни. Вы пришли по его приказу".

— **1/14 января.** Профессор Новороссийского университета историк И.А. Линниченко записывает в дневнике: "Встреча Н[ового] Г[ода] в большой комнате в квартире Л.М. Де-Рибаса в публ.[ичной] Б-[иблите]ке. Были все Де-Рибасы [...] Художники [...] Нилус, Буков[ецкий], Эгиз [...] Бунин, Юшкевич [...] чел.[овек] 25. Разошлись в 4 часа"².

— **1 января.** Возобновилось издание иллюстрированного еженедельника "Театр и кино" (1915-1917 гг.) под редакцией Л.М. Камышникова. В первом номере Нилус значится в числе лиц, ранее сотрудничавших в журнале, однако в вышедших № 1 и № 2 его публикации отсутствуют. В тот же день в "Особом приложении" к газете "Одесский листок" писатель и критик Л.П. Гроссман в статье "Год замирающей культуры" упоминает Нилуса, наряду с С. Юшкевичем и И. Буниным, в обзоре беллетристики 1918 г. в Одессе.

— **15 января** "Одесский листок" в рубрике "Книжная хроника" отмечает выход в свет первых выпусков книжной серии издательства "Южная универсальная библиотека" под редакцией С. Юшкевича³. "В первую серию вошли следующие книги [...] Нилус. "Дуня и другие рассказы"" (экземпляр этой книги обнаружился в коллекции А.А. Дроздовского, Одесса). В книгу кроме рассказа "Дуня" вошли рассказы "Старый сад" и "Ут-

ро". "Старый сад" был опубликован еще в 1910 г. в сборнике "Друкарь", вышедшем в Москве; рассказ "Утро" — в том же 1910 г. в книге Нилуса "Рассказы" (Москва); рассказ "Дуня" — в 1918 г. в его сборнике "На берегу моря" (Москва), здесь же повторно опубликован рассказ "Старый сад".

Февраль — март

Начало сотрудничества Нилуса с газетой "Вечерний час" (выходила с 24/11 января 1919; ред.-изд. Л.М. Камышников). Диапазон тем, затронутых Нилусом в постоянной рубрике "Впечатления", довольно широк — от бытовых зарисовок жизни города до проблем современного искусства.

— **19/6 февраля.** "Вечерний час", № 22: "Впечатления". Нилус воспроизводит сценку с нищей девочкой на улице Одессы. Собеседник автора, "бывший учитель и страстный антиквар", оттолкнувшись от этого эпизода, размышляет о природе таланта: "И талант нищего — разжалобить, и талант писателя, актера, проститутки — таланты нравиться, и талант учителя — все эти разные способности исходят из одного и того же источника, вытекают из дара творчества. Горе тому, кто его лишен".

— **21/8 февраля.** № 24 этой же газеты: "Впечатления" — о смерти Веры Холодной. Трагедия молодой актрисы стала поводом для рассуждений Нилуса об искусстве кино, основой которого, по его мнению, является не столько сюжет, порой бездарный, лубочный, сколько мастерство актеров, их лица и глаза. И далее — мысль о том, что кинематограф создает новую нравственную проблему, это страшная машина, оживляющая людей, которых уже нет.

— **3 марта / 18 февраля.** "Вечерний час" (№ 32) публикует статью Нилуса "Впечатления. Искусство в Одессе в 1918 г.". Приводим ее текст полностью:

"В наше время решительно ничего нельзя предугадать даже в той области, где мы чувствуем себя хозяевами; наша теперешняя жизнь полна то диких, то великолепных перемен, совершенно неожиданных, непонятных.

Ведь подумать: все здание культурной жизни как бы рухнуло. Нет даже хлеба, света, самых необходимых вещей обихода; всюду царит анархия, измена, предательство, насилия жестокие, гнусные, сверхчеловеческие.

И среди этого позора, забвения всего, что принято уважать человечеством, теплым течением разливается живое человеческое чувство любви к искусствам. Казалось бы, этот нежнейший росток жизни должен погибнуть раньше всего; оказывается как раз наоборот. Среди смертельного

уныния, без радости и надежды, у нас искусство еще живо. Целый ряд значительных событий в нашем художественном мире именно имел место в самое тревожное время последних двух лет. Еще никогда в Одессе не было такого количества музыкальных школ, "студий" драматического искусства, школ живописи, прикладного искусства. Еще недавно художественное училище "Об-[шест]ва изящных искусств" расширило свои программы до уровня бывшей Петербургской академии художеств. Осуществилась в этом сезоне и другая мечта — одесские меломаны, наконец, дожили до праздника учреждения "Филармонии"; и, наконец, в Одессе впервые издается "толстый" журнал "Объединение", возникают издательства и т. д.

Так было до сих пор, но, конечно, завтра может быть совсем другое...

Ничего не будет удивительного, если мы проснемся и прочитаем в хрониках газет, что снимают пальто и грабят уже не только в ночную пору, но в центре города и днем, что Одесса съела последний ломоть хлеба и сожгла последнее полено дров — тогда жизнь станет, но пока остается какой-то минимум возможности существования культурной жизни...

Но все-таки факт любопытный: почему художники, писатели, музыканты, учителя искусств, актеры — до сих пор не умерли с голода? Оказывается, общество ходит в театр, покупает картины, посылает своих детей учиться живописи, играть на инструментах, танцевать балетные танцы, декламировать...

Что думают те, которые покупают теперь картины, фарфор, бронзу, гравюры. Ведь они не могут не задуматься о том, что завтра придут разбойники или другие дикари и уничтожат их собрания. Не есть ли это предчувствие более счастливых времен, смутная вера в то, что жизнь не умрет, и самое драгоценное, что создало человечество: искусства, науки, религии, во что бы то ни стало нужно сберечь будущему.

Конечно, скептик, прочитав эти строки, улыбнется и скажет: "Будьте спокойны, картины, бронзу покупают *parvenus*. Это они наполняют театры, это они посылают своих детей, бездельников, учиться искусствам. Другие хотят сберечь в вещах наши эфемерные, ничем не гарантированные деньги..."

Я не думаю, чтобы это было так. Ведь и раньше в нашем городе жило множество богачей и снобов разного сорта и, конечно, несравненно более культурных, чем теперешние. Но факт остается фактом: Одессу недавнего прошлого, знатную или только богатую, искусства не интересовали вовсе, а теперь интересуют. Сбережение денег в таком "товаре", как картины, — это факт маленький, ничтожный, с этим все согласятся. Что же за

душою у тех "подозрительных господ", которые покупают теперь предметы искусства, учредили филармонию? Может быть, это мода? Пусть так: ведь в модах прежде всего могущественным образом выражается настроенное общество. Например, моды в одежде, особенно женской, удивительно полно отражают уровень вкуса, морали, нравов. Вспомните 1913-14 годы, вообще период до войны. Каким пышным махровым цветом распустилась чувственность на обоих полушариях, и все это отразилось, как в зеркале, в женских нарядах. Вспомните того же периода моду на старину. Эта мода решительно охватила весь мир — и это как раз совпало с периодом величайшей неудовлетворенности общества настоящим. И эта неудовлетворенность в наши дни, конечно, дошла до своего апогея.

Что же удивительного, что общество инстинктивно уходит от этого настоящего, и лучшая часть поддерживает искусство, живет его радостями и печальями".

— **6 марта / 21 февраля.** "Вечерний час", № 35: "Впечатления". Нилус пишет об "уплотнении" города, грязи, эпидемиях: "Ужасы "уплотнения" и общего гниения уже налицо [...]. Нужен закон, который обязывал бы опрятно содержать квартиры, не допускать их до развала".

— **24 февраля / 9 марта** писательница Н.А. Тэффи, находившаяся в Одессе с января 1919 года, перечисляет писателей и журналистов, которые были ее гостями в гостинице "Лондонская": П. Нилус, И. Бунин, А. Толстой и др.⁴

— **15/2 марта.** "Вечерний час", № 42. В рубрике "Впечатления" рассматриваются текущие дела художественной жизни Одессы. Приводим текст:

"Случилось то, что должно было случиться: наследник Г.Г. Маразли, г. Толстой продал участок земли, окружающий наш городской музей (что на Софиевской улице), пожертвованный лет 20 тому назад г. Маразли городу. Теперь этот участок распродается, или уже распродан частями новым владельцам. Музею принадлежит (со стороны моря) полоска земли в 6 саженей, с южной стороны даже такой полосы нет, и эта граница проходит вплотную с музеем и так остроумно, что отсекает часть, правда, небольшую, музея... Таким образом, как только проданные участки начнут застраиваться — музей окажется окруженным тесным кольцом и, стало быть затемненным, негодным к своему назначению. В музее 4 комнаты и два зала; когда застроится участок быв[ший] Толстого, из шести помещений останется годным *только одно — нынешний зал с верхним светом.*

Старый нарышкинский дом, вообще очень небольшой, назначен завещателем не только под музей для картин, но одной частью отошел под пе-

дагогический музей, другой — бальнеологическому об-[шест]ву, третьей под народную читальню...

Правда, первое время картин в музее было мало, и временно, конечно, можно было бы отвести незанятые помещения и бальнеологическому и другим обществам, но только временно. Это было упущено из вида, и теперь предстоит городу и "Об-[шест]ву изящных искусств" спасти музей от гибели, ибо подслеповатые комнаты для хранения картин не годятся. Между тем мне известны духовные завещания, в которых в пользу музея отписаны значительные собрания картин. Да вообще, весь наш музей, за исключением 2-3 вещей, состоит из дареных вещей: академией (Петербургской) и частными лицами. Добрым словом должно помянуть покойного архитектора Моранди, благодаря энергии которого составилось собрание картин "Об-[шест]ва изящных искусств", вошедшее целиком в состав нынешнего музея и составляющее лучшую его часть.

Не так давно г. Брайкевич представил во временное владение музею 20 картин, и всего несколько дней назад музейная комиссия приняла новые пожертвования: от графа М.М. Толстого (три портрета начала прошлого столетия), от Б.В. Эдуардса (два пейзажа XVII и XVIII) и от покойного художника г. Соломатина (в стиле Гюгена) две картины. Вообще приходится подумать о расширении музея, а вместо этого вырастает опасность затемнения. Пока не поздно, есть возможность спасти музей. Для этого *город должен немедленно обратиться к владельцу участка земли, пока свободного, прилегающего к музею, и войти с ним в соглашение, компенсируя участок на обрыве каким-либо другим участком, равноценным*".

— **28/15 марта.** "Вечерний час", № 53, "Впечатления. Кое-что о современных людях" — о влиянии войны на быт мирного населения и на развитие моды. "Кажется, никогда еще мода не создавала ничего более бездарного, безобразного [...]. Мода отражение вкусов, нравов эпохи. Казалось бы, в наше кровавое время люди должны бы быть сдержанней, обратиться к Богу... Но жизнь идет по какому-то своему пути. [...] Что это? Неужели поворот к какой-то новой правде, или взрыв отчаяния?"

Важным источником сведений о Нилусе на протяжении всего драматического 1919 года являются записи жены И. Бунина — В.Н. Муромцевой-Буниной. Как и Нилус, Бунины до самой эмиграции жили в доме художника Е. Буковецкого на Княжеской, 27. Несмотря на отрывочность, записи Веры Николаевны о Нилусе раскрывают многие черты его характера, отношение к жизни и искусству.

— **19 марта / 1 апреля** она записывает: "Возник спор. П. Ал. [Нилус]

доказывал, что занятие искусством это сплошное удовольствие, а Ян и Евг. И. [Буковецкий] — что это Голгофа. Евг. И. говорил, что такое отношение П. Ал. вытекает из его характера. Как очень одаренному человеку, ему все давалось удивительно легко. В 17 лет он написал поразительно хороший этюд, а напрягаться он не любит. И это отсутствие напряжения чувствуется в его рассказах..."⁵.

— **26 марта** на вечере литературного кружка "Среда" в Литературно-артистическом обществе Нилус читал свои новые рассказы⁶. Это были рассказы "Подвиг" и "Яблочко". Еще в 1918 г. в одесском еженедельнике "Жизнь" (№ 10, с. 7) был опубликован небольшой очерк Нилуса "Впечатления. Яблочко": "На окраинах теперь распевают "Яблочко", которое поется вместо Марсельезы. [...] Большевицкая эпопея оставила след в народном творчестве. "Яблочку" уготована вечность". Рассказ появился в печати позднее, в 1920 г. (журнал "Объединение", кн. 5, с. 7-19). Очевидно, песня обсуждалась в кругу друзей. В. Катаев пишет: "Я наблюдал Бунина на солдатской барахолке, где он стоял посреди толпы с записной книжкой в руках, невозмутимо и неторопливо записывая своей четкой клинописью частушки, которые выкрикивали два братишки — черноморские военморы, лихо отплясывая, положив руки друг другу на плечо и мотая широкими клешами, модное "Яблочко"..."⁷.

Апрель

— **4 апреля** главнокомандующий союзного правительства генерал д'Ансельм издает приказ об эвакуации войск из Одессы, а 6 апреля в Одессу вступают отряды Красной Армии под командованием атамана Н. Григорьева. До 23 августа в городе советская власть. Вновь террор, голод, расстрелы, грабежи. Все это выразительно описано другом Нилуса И. Буниним в "Окаянных днях". Его записки обрываются 20 июня 1919 г. Новая власть обкладывает "буржуазный элемент" 50-миллионной контрибуцией, за неуплату которой следовали жесткие карательные санкции. Контрибуция взималась по спискам домовладельцев, регулярно публиковавшимся в газете "Известия". Однако дом Буковецкого, где жили Бунины и Нилус, в списках не значится.

— **5 апреля (н. ст.)**. "Художники и журналисты Одессы устроили собрание по организации Союза искусств"⁸. Весьма вероятно, что Нилус присутствовал на этом собрании.

— **10 апреля**. В № 9 "Известий Одесского совета рабочих депутатов"

(далее "Известия". — В. А.) появилось объявление: "Профессионалы искусства и представители профес. союзов искусства приглашаются на общее собрание союза профессионалов искусства, сегодня 10 апреля, в 3 часа дня, в помещении Художественного учил. (Преображен[ская], 14)". В записи В.Н. Муромцевой-Буниной от **30 марта / 12 апреля** отмечено: "За обедом Нилус рассказывает, что на заседание художников явились маляры, которые были встречены с большим почетом. Говорились речи на тему, что маляр и художник почти одно и то же. Указывалось на средневековые цехи. Предлагали возвратиться к ним... — Господи, что за чушь, бесстыдство! — воскликнул Ян. И загорелся спор. Ян и Буковецкий набрасываются на Нилуса за то, что он видит в большевиках защитников искусства. — Да пойми, что все поблажки, которые они делают, только для того, чтобы перетянуть интеллигенцию на свою сторону, заткнуть ей глотку и начать свободнее расправляться с контрреволюционерами. — Но все же можно этим воспользоваться, — возражает Нилус, — и сделать что-нибудь для искусства. Ведь позор, в каком загоне оно у нас было! Нужно поощрять их в этом, а не мешать им"⁹.

— **11 апреля.** И. Бунин, Е. Буковецкий и П. Нилус обращаются с письмом к новой власти с просьбой закрепить за ними помещение, в котором они живут¹⁰. Бунин в "Окаянных днях" (25 апреля) пишет о посещении дома Буковецкого комиссаром "на предмет уплотнения пролетариатом"¹¹. Инцидент был улажен благодаря усилиям Нилуса. В. Катаев в "Траве забвения" вспоминает: "К этому времени Бунин был уже настолько скомпрометирован своими контрреволюционными взглядами, которых, кстати, не скрывал, что его могли без всяких разговоров расстрелять, и наверное бы расстреляли, если бы не его старинный друг одесский художник Нилус, живший в том же доме, где жили и Бунины, на чердаке, описанном в "Снах Чанга", не на простом чердаке, а на чердаке "теплом, благоухающем сигарой, устланном коврами, уставленном старинной мебелью, увешанном картинами и парчовыми тканями...". Так вот, если бы этот самый Нилус не проявил бешеной энергии — телеграфировал в Москву Луначарскому, чуть ли не на коленях умолял председателя одесского ревкома, — то еще неизвестно, чем бы кончилось дело. Так или иначе, Нилус получил специальную, так называемую "охранную грамоту" на жизнь, имущество и личную неприкосновенность академика Бунина, которую и приколотил кнопками к лаковой, богатой двери особняка на Княжеской улице"¹².

— **30 марта / 12 апреля.** В.Н. Муромцева-Бунин: "Квартира наша освобождена от реквизиции. Кроме Буковецкого и Нилуса хлопотал Во-

лошин, очень легко охотно и бескорыстно. [...] Он прибежал днем сообщить нам об этом и очень радостно стал писать вывеску: "Художественная неореалистическая школа" Буковецкого, Нилуса и Волошина. Мы распределили занятия. Преподаватели — Нилус и Буковецкий, лектор по истории живописи профессор Лазурский, заведующая школой — я. Ученики — дети приятелей и знакомых"¹³.

Много позже сын В.Ф. Лазурского — художник В. Лазурский вспоминал: "...художественная неореалистическая школа открылась в особняке художника Евгения Осиповича Буковецкого на Княжеской улице, неподалеку от нашего дома. Была весна 1919 г. Интервенты покинули Одессу на этот раз ненадолго. Буковецкий вывесил объявление об открытии художественной студии и просил своих друзей, среди которых был и мой отец, посылать к нему своих детей. Сам он взялся руководить рисованием с гипсов, что и составило основное содержание студийных занятий, вполне академических и совершенно не соответствовавших названию школы. Петр Александрович Нилус раза два позанимался с нами "композицией". Он не рекомендовал работать прямо с натуры, как это было общепринято, а советовал наблюдать действительность, запоминать увиденное и писать по памяти, стараясь сохранить то общее впечатление, которое произвела на нас картина природы. [...] Школа просуществовала недолго"¹⁴.

— **13 апреля — 19 июня** в Петрограде, в здании Зимнего дворца проходила Первая государственная свободная выставка произведений искусств. Нилус — единственный одесский художник, участвовавший в ней. Это была грандиозная по тем временам выставка, на которой экспонировалось 1826 произведений 299 авторов, представлявших наиболее значительные художественные общества: "Союз молодежи", "Мир искусства", передвижники, "Общество им. А. Куинджи", "Петроградское общество художников" и др. П. Нилус выступил вместе с передвижниками, показав произведения: № 1008 — "Манифестация"; № 1009 — "После митинга"; № 1010 — "Восход луны"; № 1011 — "Сальвий"¹⁵.

Факт участия Нилуса в этой выставке не отмечен в известной нам литературе о его творчестве. По сути, в 1919 г. он единственный из одесских художников — членов и экспонентов выставок передвижников (К. Костанди, Н. Кузнецов, Т. Дворников, Е. Буковецкий и др.), поддерживал связь с этим товариществом. Причины прозрачны: конъюнктурные соображения, возможность показать свои произведения в столицах, надежды на получение звания академика живописи, о чем он много позже будет упоминать в письмах к Е. Буковецкому.

— **1/14 апреля.** Вера Николаевна записывает: "Вечером у нас Волошин. Он остался у нас ночевать (то есть в мастерской Нилуса), чтобы провести вместе весь вечер. Сидели мы в моей комнате, Нилус вышел к нам на один момент, т. к. он чувствовал себя очень уставшим, а Буковецкий совсем не пришел, вероятно, боясь, как бы Волошин не подумал, что он считает себя его знакомым"¹⁶.

— **2/15 апреля** Вера Николаевна продолжала записывать: "Нилус начал разговор о том, что художников приглашают украсить город на первое мая:

— У меня есть эскиз, как нужно украсить город.

— Неужели ты будешь принимать участие в этом? — спрашивает Ян.

— А почему же нет? Я нахожу, что от жизни уклоняться нельзя. А так как большевики признают науку и искусство, то этим нужно пользоваться, так как самое важное в жизни — искусство и наука, — говорит он со своей милой улыбкой. [...]

Волошин быстро переходит на то, как, по его мнению, нужно украсить город. [...] Ян, сдерживаясь, говорит: — Не понимаю, как в то время, когда люди почти умирают с голоду, ходят оборванными от недостатка материи, когда воцарились разбойники, вы спокойно рассуждаете о том, как наилучшим образом украсить город, украсить лобное место? Ведь это значит помогать тому врагу, которого мы ненавидим, хотим уничтожить, а о развитии искусства и науки в государстве, где мрут с голоду [...] мне просто странно слушать!"¹⁷.

Следует отметить, что большевики, несмотря на организованный террор и репрессии, к художникам и артистам оставались сравнительно лояльными. Именно творческие люди были крайне необходимы в организации и проведении агитационной пропаганды. Так, в газете "Известия" (9 апр., № 8) был опубликован приказ Одесского окружного комиссариата по военным делам, где отмечалось: "Для предоставления возможности художникам, зарегистрированным в профессиональных союзах, подлежащим призыву на военную службу, выполнять в настоящее время работы, имеющие государственное значение, при призывах назначать их в караульные части, но тут же откомандировывать их для специальной работы, не зачисляя ни на один вид довольствия".

— **5/18 апреля.** Вера Николаевна отмечает: "Художники Одессы заняты приготовлением праздника первого мая. Во главе стоит художница Эстер, присланная из Москвы (здесь ошибки: фамилия художницы — Экстер; в Одессу она приехала из Киева; ее сотрудничество с большевиками было вынужденным. — В. А.). Волошин тоже в первомайской комис-

сии. [...] Нилус выбран в правление "Союза художников". [...] Идет сильное "перекрашивание". Уже острят: "Что ты делаешь?" — "Сохну, только что перекрасился". Интересно наблюдать, как каждый по-своему переживает водворение в жизнь "коммунистического рая". Нилус, например, все хочет видеть в большевиках что-нибудь положительное. Он вообще таков, что прежде всего в каждом отыскивает хорошее. Ему органически чуждо все подлое, а потому он все надеется найти хоть одну луковку, за которую можно простить"¹⁸.

Упомянутое В.Н. Буниной избрание Нилуса в правление "Союза художников" (Профессиональный союз художников) состоялось на собрании творческих союзов артистов, художников, скульпторов, представителей ТЮРХ, передвижников, художников, окончивших художественной училище, проходившем 18 апреля в здании художественного училища¹⁹. ТЮРХ, куда входил Нилус, как одна из самых больших творческих организаций претендовала на некое лидерство. Еще 10 апреля на собрании Товарищества с информацией по поводу организации профессионального союза художников выступил приехавший из Петербурга одесский художник Линский, который считал, что "не следует повторять ошибок Москвы и Петрограда, где здоровые силы не взяли верх и допустили футуристов и кубистов"²⁰.

Праздничные первомайские мероприятия, в подготовке которых собирались принять участие П. Нилус и М. Волошин, должны были отличаться особым размахом. На их проведение власти выделили один миллион рублей²¹. Однако энтузиазм и инициатива друзей были скоро решительно охлаждены. Волошин первоначально все же вошел в число руководителей отделов по подготовке празднования, наряду с художниками, скульпторами, театральными деятелями (А. Нюрнберг, А. Экстер, В. Мидлер, М. Гельман, Монастырский, К. Миклашевский), но уже через пять дней был отстранен "за антисоветскую литературную деятельность", о чем и сообщили газеты²². О действиях Нилуса и судьбе его эскиза информация не обнаружена.

Инициатива в работе над агитационным заказом перешла к левому крылу одесских художников, о чем свидетельствовал пространный отчет о первомайских торжествах. Может показаться, что это было некой победой принципов нового искусства. Но по свидетельству очевидцев, мобилизованные революцией художники и артисты "работали под неусыпным оком комиссаров"²³.

— 20 апреля. И. Бунин записывает: "Вечером с видом заговорщика

пришел А.В. Васьковский (адвокат, с которым Нилус в дальнейшем под-держивал контакты в эмиграции. — **В. А.**), притворил дверь и шепотом наговорил таких вещей, так настаивал, что все, о чем говорили днем, есть сушая правда, что Петр разволновался до красноты ушей, потом слазил под лестницу и вытащил две бутылки вина"²⁴.

— **8/21 апреля.** В.Н. Муромцева-Бунина: "Только что был Бутенко, двоюродный брат Нилуса. В его имении был воинский обоз, вместе с местными мужиками разгромили дом, и все искали убить его. За что? Он всегда был необыкновенно добр к мужикам... Шашками рубили бюро красного дерева. Увезли много ячменя, пшеницы. А на соседнем хуторе Пташниковых, родственников одесских, убили кого-то"²⁵.

Май

— **12/25 мая** В.Н. Муромцева-Бунина записала: "Нилус сообщает, что он получил назначение при комиссии просвещения в Отделе искусства, занят он будет по утрам. Должность приятная — можно спасти картины от разграбления"²⁶. Здесь не все ясно. "Спасением картин" занимался, прежде всего, Губернский комитет охраны памятников искусства и старины (Губкопис), учрежденный 1 июня 1919 г. Председателем комитета был назначен художник А. Нюренберг²⁷. Конкретные сведения о деятельности Нилуса в комитете не обнаружены, работал ли он в этой или в какой-то иной организации, установить не удалось. Известно, что при каждой смене власти в Одессе предпринимались энергичные меры по экспроприации произведений искусства (при большевиках — "из домов бежавшей буржуазии"). Этот, по сути, грабеж в прессе преподносился как "защита художественных ценностей" или "спасение художественных богатств для народа". О размахе деятельности свидетельствуют хотя бы две статьи в газете "Известия". В № 47 от 25 мая — "Местная жизнь: в секции по защите художественных ценностей", где говорится о намерении этой секции открыть "грандиозную выставку-демонстрацию всех художественных вещей, собранных в квартирах бежавшей одесской буржуазии. [...] На ней будет представлено до 3 тысяч !!! картин старых и новых мастеров и предметов декоративно-прикладного искусства". В № 49 от 28 мая в статье "Пролетарская культура: художественные богатства для народа" сообщается о проведении описи всех особняков и квартир бежавшей буржуазии и об изъятии ценностей, приводится обширный перечень разграбленных квартир и особняков.

Следует учитывать, что в условиях, когда Нилус не мог заработать на жизнь продажей картин, служба в комиссии была, вероятно, важным источником его существования. Основанием для участия в деятельности комиссии являлось хорошее знание им антиквариата, иконописи, графики, декоративно-прикладного искусства. Судя по переписке с Е. Буковецким 1908-1913 гг., Нилус целенаправленно и не без успеха создавал собственную коллекцию произведений искусства.

— **16/29 мая.** Муромцева-Булнина: "Завтра едут на лошадях Юшкевич, Нилус и Ильин к Федорову, приглашать его в Агит-Просвет. Они будут заведовать театром и синема.

Вечером за бутылкой вина Ян с Нилусом спорят. П. А. искренно верит, что они повернут дело по-своему. Ян доказывает, что кроме позора и неприятностей, они ничего не получат: — "Уж если нечего есть, так служи где-нибудь писцом или чем хочешь, но отдавать им самое дорогое — никогда!" П. А., волнуясь: "Искусство выше всего, и нельзя отказываться от того, что возвышает жизнь"²⁸.

Конкретика деятельности Нилуса в агитационно-просветительском отделе не установлена. Не совсем ясно, в какой организации он служил. Одесские газеты за май месяц 1919 г. пестрят объявлениями о мобилизации агитаторов. Агит-просветы существовали при многочисленных партийных, военных и образовательных организациях.

— **17/30 мая.** Муромцева-Булнина: "Вечером Нилус рассказывает о своей поездке к Федорову. "Ехали в отличном экипаже. Федоров сначала колебался, но под давлением жены согласился. На обратном пути нагнали Кипена, — идет пешком в город, — предложили ему тоже вступить в Агит-Просвет, — он с негодованием отказался" [...] И опять поднялся спор, можно или нет работать с большевиками"²⁹.

Июнь — июль

— 8 июня [н. ст.] — июль. В Городском музее проходит I-я Народная выставка картин, плакатов, вывесок и детского творчества. Организации ее предшествовала упорная борьба между представителями ТЮРХ и Общества независимых художников. В результате отбор произведений на выставку проводился отдельными жюри²⁸. От ТЮРХ в выставке приняли участие Ю. Бершадский, Е. Буковецкий, Т. Дворников, К. Костанди, П. Нилус и др. Был издан каталог выставки с вступительной статьей А. Нюренберга "Искусство и его теперешние задачи", где с пафосом писа-

лось о новом искусстве, "вырванном из церкви, дворца и гостиной". Состав произведений Нилуса на выставке, как и на упомянутой ранее выставке в Петрограде, соответствовал политическому моменту: № 89 — "Первая манифестация в Одессе в феврале 1917 г.", "1 мая 1917 г.", "27 февраля 1917 г. на Знаменской площади" (и другие произведения из серии "манифестации"); № 90 — "Мечты" (декоративное панно); № 91 — "После митинга"; № 92 — "В праздник"³⁰. Отзывы на эти произведения в прессе не обнаружены.

— **2/15 июня.** Муромцева-Бунина: "В школе у нас народу много. Труднее стало поддерживать дисциплину. [...] В школе есть несколько человек способных. Нилус восхищается глазом ученика Шесток. Его маленькая племянница, Оля, тоже рисует очень точно и делает заметные успехи. Двигается и Дима Лазурский, очень милый и приятный мальчик. Но занятнее всех Рафаэль. Он вносит столько веселья, что забываешь на него сердиться"³¹.

— **29 июня / 12 июля.** Муромцева-Бунина: "У нас в доме именинник. Наша школа чествует своего профессора. Ученики поздравляют Петра Ал. [Нилуса], принесли — кто хлеба, кто вина. Учение было отменено. Видно, что П. Ал. завоевал любовь к себе, и каждому хочется сделать ему удовольствие"³².

Август — сентябрь

— **23 августа (н. ст.)** в Одессе установилась власть Добровольческой армии Деникина.

— **27 августа / 9 сентября.** П. Нилус и К. Костанди включены в состав особой комиссии по делам искусства при управлении попечителя Одесского учебного округа проф. А.Д. Билимовича. В комиссию также входили профессор Б.В. Варнеке, В.И. Малишевский, В.Ф. Лазурский и Н.Л. Окунев³³. Практическое участие Нилуса в работе комиссии не установлено. В других источниках отмечено, что Нилус был членом постоянного "комитета по охране искусств" при учебном округе³⁴. Можно предположить, что Нилус занимался делами реорганизации трех учрежденных при большевиках музеев — музея в доме А.П. Руссова, музея в доме графа М.М. Толстого и музея при Новороссийском университете. По предложению Билимовича первые два музея предполагалось ликвидировать, так как они были составлены "без ведома их владельцев"³⁵, т. е. из произведений, реквизированных большевиками у "буржуазии".

— **28 августа (ст. ст.)**. "Состоялось общее собрание Тов-[арищест]ва южнорусских художников, в котором решено открыть очередную выставку картин, как всегда, 1 октября"³⁶.

— **29 августа / 11 сентября**. В № 3 газеты "Южное слово" (№ 1 вышел 27 авг. / 9 сент.) в рубрике "Среди книг" напечатана рецензия Нилуса "Плеяда", цикл сонетов Леонида Гроссмана". С этого момента его статьи и заметки регулярно появляются в газете.

— **13/26 сентября**. Нилус публикует в "Южном слове" пространную статью "Заметки художника", полную ностальгии по передвижничеству. Поводом для ее написания стала смерть коллег художников-передвижников Н.Н. Дубовского и Е.Е. Волкова. "В последний раз, после долгого перерыва я был в Петербурге в сезон выставок 1917 г. и не узнал своих товарищей по передвижной выставке — все это были уже пестрые, новые люди, ясно было, что монолит "передвижничества" распадается. [...] ...дошло до того, что слово "передвижник" в устах молодых художников и их поклонников оказалось бранным словом. [...] Все в мире имеет свои таинственные сроки: старое передвижничество, сделав большое дело, отходит в историю".

— **14/27 сентября**. Зарисовка "Впечатления" — об умирающей на глазах сочувствующей толпы собаке, и в это же время, на другом квартале, умирающем в одиночестве от голода человеке.

— **20 сентября / 3 октября**. "Заметки художника" — рассуждения об упадке и нищете в городе, о "новой" обуви — "ужасных деревянных сандалиях", ставших привычным атрибутом жизни одесситов.

— **22 сентября / 5 октября**. В Одессе отмечается "День Добровольческой армии". Город в очередной раз "украсили". Нужно отметить, что если оформлением первомайского праздника занимались "левые" художники, в основном, из лагеря "независимых", то оформлением города к Дню Добармии занимались художники традиционного направления. С этой целью была создана художественная комиссия под руководством известного мариниста А.В. Ганзена. Газета "Южное слово" отмечала: "Большинство плакатов выписано в русском стиле, несколько стилизованным, но без кричащих футуристичностей плакатов недавних дней. Главным доминирующим моментом почти всех тем является изображение Кремля. [...] После боя в окопах спят усталые воины, во сне им мерещится Москва, на эту тему по эскизу известного художника П.А. Нилуса выписывается огромный триптих художниками Карташом и Милеевым" (**19 сент. / 2 окт.**). Газета "Единая Русь" (**22 сент. / 5 окт.**): "Плакаты изготовлены по эскизам известных

художников Нилуса, Бальца, Бри и др. Над городским театром вывешен плакат с надписью: "Сила большевиков — ложь". На Думской площади помещены плакаты по эскизу Нилуса — один посвященный Москве, а другой плакат англичанам с надписью: "Нашим друзьям англичанам" (ошибка: второй плакат работы А.В. Ганзена. — В. А.). Комиссией назначены три художественные премии за лучшие украшения фасадов домов". "При входе на площадь (Думскую. — В. А.) со стороны Ланжероновской и Пушкинской улиц, откуда направлялись главные массы гуляющих, открывалась громадная картина, изображающая отдыхающих воинов Добровольческой армии, грезящих о золотых куполах Москвы. Надпись "Москва будет наша, это не сон" (23 сент. / 6 окт.). Судьба эскиза Нилуса неизвестна.

Октябрь

— **1 октября / 14 ноября.** В Городском музее изящных искусств проходит очередная — и последняя в истории ТЮРХ — 29-я выставка. В день ее открытия (**1 окт. / 14 нояб.**) в газете "Южное слово" появилась статья Нилуса "Заметки художника". Он называет деятельность Товарищества почти за 30 лет "подвигом", который "будет отмечен историком юга". Нилус сетует на то, что ни знаменитые одесские богачи Ралли, Маразли, Родоканаки, Анатра, Вучина, ни городское самоуправление не покупали работ одесских художников. И далее: "Пришли большевики и, попирав четыре месяца, разорили город. Кто теперь будет в Одессе покупать картины?". Как видим, романтизм Нилуса в отношении предыдущей власти полностью испарился. Аналогично Нилусу высказывался и К. Костанди. Последний был не склонен к выступлениям в прессе, но в данном случае отмечал: "Несмотря на громкое афиширование своих меценатских принципов, на пышные обещания тов. Луначарского создать "великое пролетарское искусство" — большевики только стеснили свободную волю художника, и эти два года явились лишь пробелом в русской живописи"³⁷.

Согласно каталогу, Нилус экспонировал на выставке всего три произведения, написанные в 1919 году: № 220 — "Шестидесятые годы"; № 221 — "Майский вечер"; № 222 — "Светлая ночь"³⁸ (продана с выставки Гальперсону³⁹).

В немногочисленных и достаточно беглых рецензиях отмечалось: "Любопытно наблюдать, как изменяется иногда художник в манере писать и в своих устремлениях. Когда-то тонкий, изящно-виртуозный в мазке бытописатель Нилус теперь широко, размашисто пишет красивые полотна с яркими костюмами отживших мод на фоне серенького пейзажа"⁴⁰;

"У Нилуса сумеречно-романтическое настроение"⁴¹. Друг Нилуса А.М. Де-Рибас писал: "Разве Нилус перестает искать золота в сумерках и огней в тумане?". И он же в другой статье: "Вот Нилус — тот радуется. У него во всем какая-то жизнерадостная меланхолия"⁴².

— **4/17 октября.** Нилус вновь обратился к теме выставки в "Заметках художника" в "Южном слове", при этом достаточно ярко охарактеризовал жизнь тюрховцев: "30 сентября. Товарищество южнорусских художников собралось в художественном училище на традиционный вечер перед открытием выставки. Еще недавно такие собрания устраивались парадно, в залах, залитых светом, но время круто изменилось. На этот раз не повара готовили обед, служили не официанты во фраках — сами художники были и поварами и официантами; вместо сервировки довольствовались рабочими столами без скатертей, каждый из присутствовавших принес свой скромный стакан, тарелку, вилку, салфеточку. [...] Но зато каждый принес с собой то, что не всегда бывало на прежних банкетах: надежду на лучшее будущее... Были, как всегда, речи, но на этот раз другого содержания. Художники, вообще аполитичные, заговорили как граждане и политики. Сначала помянули дружеским словом старого товарища А.А. Попова, безвременно погибшего этим летом от холеры. [...] Прежде всего решено было приветствовать Вождя Русской Армии Деникина, а затем принести лепту его славной армии. Избрана была комиссия, которая ныне уже занимается устройством лотереи. Предполагается, что выигрышей (картин и этюдов) для будущей лотереи соберется не менее 50. Часть выигрышей была пожертвована тотчас же, из имеющихся экспонатов на выставке, другая — будет доставлена немедленно...".

Темы статей Нилуса в "Южном слове" в это время — впрочем, как и раньше — разнообразны.

— **5/18 октября.** "Впечатления. "Благой мат": поздним вечером на улице дико кричит пьяная женщина. Свидетели происшествия "постояли и разошлись". И Нилус пытается понять причины равнодушия к чужому несчастью, размышляет о том, что "мы сплошь и рядом холодно отворачиваемся, когда сталкиваемся с действительной жизнью, выходящей из обычных рамок, [...] оберегая свой пресловутый "покой"".

— **9/22 октября.** "Впечатления. Нужно щадить память отошедших" — отклик на реальные события: перезахоронение бывшего начальника края генерал-губернатора М.И. Эбелова, расстрелянного одесской ЧК в ночь на 16 июня 1919 г. и других жертв красного террора. Нилус пишет не о конкретном событии. Оно — повод для рассуждений о морали и нравст-

венности. Для биографа Нилуса она важна также упоминанием о его пребывании в Швейцарии⁴³.

— **16/29 октября.** "Впечатления. Ложь". Политические взгляды Нилуса становятся все более отчетливыми: "Большевизм, а с ним и ложь социализма умирают на глазах. Добровольческая армия побеждает не как политическая партия, а потому что с ней народ".

— **17/30 октября.** "Заметки художника" — в связи с возобновлением собраний Общества любителей старины⁴⁴. "Большевики, отряхнувшие прах "старого мира", естественно должны были смотреть на это об-во как на контрреволюционное. [...] Вероятно, самой замечательной чертой этого об-ва является то, что в нем есть известный моральный и культурный уровень [...]. Наконец, антиквары — это, по преимуществу, люди, многое пережившие, видевшие всякое, знающие, что такое жизнь, что такое культура, традиция [...], а все это создает атмосферу уважения к личности".

— **27 октября / 19 ноября.** "Впечатления. Кое-что о скаутизме" — странная политическая статья о значении движения скаутов для воспитания будущего поколения.

— **31 октября / 13 ноября.** В "Южном слове" появляется статья Г. Афанасьева "Книжная летопись", где рассматриваются новинки московского "Книгоиздательства писателей". В частности, речь идет о сборнике рассказов Нилуса "На берегу моря", вышедшем в феврале 1918 г. Автор приводит отзыв известного критика Ю. Айхенвальда: "Рассказы П. Нилуса "На берегу моря" действительно веют соленым ароматом Черного моря, Одессой, солнцем юга, пряностями природы и души. Автор — художник, живописец; в своей литературе он этого совсем не скрывает, часто говорит о красках, чаще и пишет словами-красками. Он любит цвета и цветы мира. Его чарует игра светотени, пейзаж во всех его оттенках, живая живопись морских волн и южных степей. он зорко видит, цепко схватывает глазами и словами. В его фабулах и в его манере есть что-то острое, пикантное — изящество, не специфически русское, хотя и русские учителя, Чехов, Бунин — быть может, не вполне ведомо для самого автора — формировали его дарование...".

Ноябрь

В первые дни ноября в рамках 29-й выставки ТЮРХ проходила лотерея произведений искусства в пользу Добровольческой армии. Среди работ, предназначенных для розыгрыша, были и работы П. Нилуса⁴⁵. Лотерея "устроена в большой светлой зале в первом этаже музея [...]". Выстав-

ка пополняется картинами, пожертвованными местными коллекционерами [...] художниками: Нилусом, Кузнецовым, Костанди, Кишиневским, Бальцем, Эгизом, Буковецким, Стилиануди, Колесниковым, Фурсеем, Василовуло и др.⁴⁶. Названия работ установить не удалось.

— **6/19 ноября** Нилус публикует в "Южном слове" пространную статью-размышления "Впечатления. Интеллигенция будущего", в которой раскрываются некоторые эстетические пристрастия автора. Статья построена как экскурс в историю современного отечественного искусства, начиная с передвижничества, идеи которого Нилус неожиданно подвергает суровой критике: "Интеллигентский критик Стасов и интеллигентский художник Крамской много зла принесли русскому искусству. Крамской даже дошел до такого абсурда: "Чем выше идея картины, тем выше и ее исполнение" — и блистательно на деле доказал противное. [...] Интеллигентский критик, разбирая произведение, взвешивает его идею, как бы забывая, что идеи рождаются почти всегда философами, а не писателями и художниками. Утилитаризм на несколько десятилетий закрыл глаза старой русской интеллигенции на красоту религии, природу искусства". Статья Нилуса — одна из целого ряда публикаций о роли и проблемах интеллигенции, печатавшихся в газете.

— **13/26 ноября**. Там же — очерк "Листопад", о посещении монастыря в Бессарабии перед началом первой мировой войны

— **24 ноября**. Присутствует на общем собрании ТЮРХ и делает доклад "О выделении участка земли на Фонтане для тружеников искусства"⁴⁷.

— **24 ноября / 7 декабря**. В Городском музее изящных искусств открылась выставка картин Одесского общества независимых художников. Нилус бывал на выставке, о чем свидетельствует его статья "Впечатления. Выставка картин общества независимых художников" (см. ниже).

— **30 ноября**. Нилус, вместе с И.А. Буниним, Х.Н. Бяликом и А.М. Федоровым, вошел в комитет по подготовке юбилейных торжеств, связанных с 25-летием творческой деятельности Семена Юшкевича. Чествование юбиляра состоялось 19 декабря в Литературно-артистическом обществе⁴⁸.

Декабрь

— **1/14 декабря**. Нилус — в числе участников бала Одесского политехнического института, проходившего в залах Литературно-артистического общества (ул. Греческая, 48). Сбор от проведения бала предназначался недостаточным студентам института. В числе участников программ были

Б. Варнеке, В. Горянский, Л. Гроссман, Дон-Аминадо, Вера Инбер, Мария Де-Рибас, Эльза Крюгер, И. Бунин, А. Вертинский⁴⁹.

— **5/18 декабря.** Нилус публикует в "Южном слове" статью "Тяжелые времена". Приводим ее текст с некоторыми сокращениями:

"Есть такие кретины, которые до сих пор повторяют: "Какое интересное время мы переживаем!" То же самое повторяли они, когда началась война, а потом революция. [...] В два года погибла огромная страна, жизнь повсюду замерла, погибли и гибнут сотни тысяч людей. [...] Не интересное время мы переживаем, а ужасное, жесточайшее.

[...] Очень "интересное" несчастье, очередное, вошло уже почти в каждый дом — это холод. Нет топлива, а за этим, как всегда это бывает, идут голод, болезни. [...] Я пишу эти строки холодеющей рукой, сижу за письменным столом в пальто и шляпе и чувствую себя не так уж плохо. А неделю тому назад я считал себя несчастнейшим человеком. Дошел я до этого, конечно, потому, что отчасти свыкся с холодом, но главным образом потому, что много думал о тех, которые страдали и страдают более меня. Я знаю, что миллионы людей перенесли во время недавней войны огромные лишения и сейчас страдают на фронте — я в лучшем положении — *ergo* — должен примириться, и примирился...

[...] Хорошо бы, наконец, покончить с "углублением революции" и приступить к эволюции, к развитию в обществе чувства борьбы за настоящую, благородную человеческую жизнь; хорошо, если бы мы, наконец, всеми силами ополчились против ропота "духа уныния и празднословия".

— **12 декабря.** Сохранился любопытный документ, датированный этим числом и свидетельствующий о первоначальном намерении Нилуса уехать в Сербию. Это его записка секретарю ТЮРХ А.Н. Стилиануди: "Дорогой Александр Николаевич. Т.[ак] к.[ак] вероятно придется мне уезжать, прошу очень выдать мне этого рода удостоверение, которое я отнесу К.[ириаку] К.[онстантиновичу Костанди] для скрепления подписью. Очень извиняюсь, дело не терпит отлагательства. Прошу заполненный бланк оставить дома. Я завтра зайду за ним. Между прочим, слова *учитель рисования* необходимы, иначе не пустят в Сербию. Жму руку. П. Нилус".

На этом же листе рукой Нилуса написан черновик текста удостоверения: "Товарищество южнорусских художников сим удостоверяет, что предъявитель сего Петр Александрович Нилус художник и учитель рисования. П.А. Нилус 1) Член "Товарищества передвижных художественных выставок" в Петрограде и Москве; 2) Член Совета "Одесского общества

изящных искусств"; 3) Член музейной комиссии Одесского городского музея изящных искусств; 4) Член Товарищества южнорусских художников.

Владея коллекцией старинных русских икон и утвари, он является экспертом по этой специальности.

Произведения его находятся в Музее Александра III в Петрограде, в Третьяковской галерее в Москве и многих частных собраниях.

Кроме России, П.А. Нилус выставлял свои произведения в Вене, Мюнхене, Риме.

Председатель: Академик К. Костанди
Секретарь: Стилиануди"⁵⁰.

Отъезду предшествовали, конечно же, деловые хлопоты. Вне сомнения, Нилус встречался с проф. В.В. Завьяловым, который был назначен уполномоченным комиссии по устройству беженцев в Болгарии (о В.В. Завьялове см.: Одес. листок. 1919. 12/26 дек.). Согласно правилам для выезжающих, публиковавшимся в одесских газетах этих дней, виза в Болгарию выдавалась одновременно с визой во Францию. Таким образом, выезд в Болгарию мог быть транзитным.

— **13/26 декабря.** Вера Николаевна записывает: "Нилус и Кипен решили ехать в Сербию. Вчера мы пили вино. Ян возбудился, хорошо говорил о том, что он не может жить в новом мире, что он принадлежит к старому миру [...]. Когда он говорил, то на глазах у него блестели слезы. [...] Нилус был тоже грустен: "Вот играл в карты с Евгением и думал: все кончается, уезжаю за границу, а вернусь ли?". Когда мы с Яном вчера убирались, он сказал: "Боже, как тяжело! Мы отправляемся в изгнание, и кто знает, вернемся ли?"⁵¹. Как видим, первоначально Нилус намеревался уехать в Сербию вместе с писателем А. Кипеном, который, в конечном итоге, остался в Одессе. Причины изменения маршрута Нилусом не установлены.

Этот же день описан в книге В. Лаврова "Холодная осень": "26 декабря (н. ст. — **В. А.**) Иван Алексеевич посетил Сербское консульство. Заплатил 10 франков и ушел с двумя визами в Белград. [...] Немного утешил Нилус — верный друг. [...] Нилус приволок два чайника того самого красного вина, которым угощать должны тех, кто не имеет претензий в случае их потопления. Отметим его отплытие в Варну"⁵².

— **25 декабря.** Вера Николаевна пишет: "Вчера отбыли в Болгарию Нилус, Федоров, Тухолка, Оболенский. Должен был еще Шуйский, но он не мог войти на пароход. Петр Александрович был очень подавлен, очень волновался, почти ничего не взял с собой. Перед отъездом он вел очень

рассеянную жизнь, точно боялся быть серьезным. Я рада за него, что он все же уехал⁵³. Отметим, что запись сделана **25 декабря** (единственная запись без обозначения старого и нового стиля). Исходя из того, что предыдущая запись в дневнике датирована **22 декабря / 4 января**, а следующая 27 декабря / 9 января, можно считать датой отъезда Нилуса **24 декабря 1919 г.** или, по новому стилю, **6 января 1920 г.**

20 января 1920 г. (н. ст.) Е. Буковецкий в письме к доктору И.С. Назарову в Константинополь сообщает: "П. Нилус уехал в Варну с писателем Федоровым и еще двумя или тремя лицами. Они составят как бы миссию в Софию для информирования болгар о русских делах. Бунин до сих пор в Одессе, имеет паспорт со всевозможными визами, но медлит с отъездом. Васьевский собрался в Польшу"⁵⁴. Беллетризованное описание сцены отъезда Нилуса и его прощания с Буковецким есть в книге В. Смирнова и А. Грабовского "Баранова, 27" (Одесса, 1993, с. 83). Авторы цитируют фрагмент того же письма Буковецкого к Назарову. При этом, как и В. Лавров, не указывают источник, откуда взято письмо.

Последняя из известных нам публикаций П. Нилуса в одесской печати появилась уже после его отъезда — в газете "Южное слово" от **1/14 января 1920 г.** напечатана статья "Впечатления. Выставка картин Общества независимых художников". Приводим ее с незначительными сокращениями:

"До сих пор я не могу примириться с самоопределением нашего молодого об[щест]ва художников как об-ва независимого. Я бы сказал, что это об-во исключительно зависимое, оно всецело зависит от западных течений искусства, в нем пока не родилось ничего, органически связанного с нашей страной, в частности, с Одессой, городом, во всяком случае, оригинальным, хотя и очень зависимым от запада.

Обозревая выставки наших модернистов за последние годы, приходится постоянно делать одно и то же заключение, очень досадное — общество остановилось в своем развитии: взяв за образцы Матисса, Пикассо, Сезанна, Ван Гога, Гогена и др., привнеся очень скромную долю своего творчества, оно как бы привяло, застыло. Мало того, нельзя не заметить на одесских "независимых" (Sic!) и некоего налета провинциализма. С тех пор как наша страна за время войны потеряла связь с западом, повторяю, зависимость от Парижа, оно явно приболело. Наши одесские "парижане" потеряли свежесть и повторяются, не совершенствуясь, не расширяя диапозона хотя бы и определившегося регистра.

По общим политическим причинам и старые и "молодые" одесские художники работали в отчетном году мало, и особенно молодые до такой

степени мало, что если бы не коллекция картин А.К. Драгоева, пожалуй, и выставка не могла бы состояться.

Лучшее в собрании А.К. Драгоева — это эскизы А. Бенуа к "Каменному гостю". Эти вещи плод таланта зрелого, законченного. Все то, что есть лучшего у А. Бенуа: вкус, умение, знание стиля — очень счастливо сочетаются в этих отличных эскизах, которые доставят любителям большое удовольствие.

Прелестна майолика, сделанная на заводе Мамонтова по рисунку М. Врубеля ("Лель"). С большой легкостью написан этюд И. Браза. Очень закончен маленький этюд Н. Рериха и хороша акварель И. Бродского "Цветы" (верхняя ее часть) [...]

Мне пришлось выслушать много восторженных отзывов о натюрмор-тах Петрова-Водкина и Машкова, что я разделяю только отчасти. Любопытно, что оба художника очень недвусмысленно обратились к так называемому "здоровому реализму". В их этюдах много яркости и силы краски, особенно у Машкова. У него к этому нужно прибавить силу молодости и здоровья, — это всегда волнует, это чудесно, но на этом все и оканчивается. И один, и другой не чувствуют общего тона, композиции, дурно рисуют. Это не небрежение формой, а просто неумение. Это скажет всякий, кто знает, что такое строгий рисунок, кто знаком с рисунком современных мастеров Европы. Натюрморт Петрова-Водкина изображает скрипку (следует описание. — В. А.) [...]. Рерих "Знамение" — вещь холодная и сухая [...] Нестеров "Сестрицы" [...].

Все-таки, несмотря ни на что, как всегда с известным удовлетворением смотрится гг. Гершенфельд, Олесевич; Милев сделал успех, гг. Гроссер, Кишиневский, Малик, Шклявер с раньше названными составляют, собственно, в этом году выставку "независимых". Очень любопытно — г. Олесевич написал портрет "по старинке" — скромно и непосредственно. Скажу тем, кто не знает, что талантливый г. Фазини работает в ателье художественного училища. Они [...] поняли, что без изучения строгой школы нельзя развиваться. Это старо, как мир, но к величайшему сожалению, забывается многими. Кто посильнее, талантливее — тот это чувствует".

С 14 (27) января 1920 г. газета "Южное слово" стала выходить под названием "Родное слово". Состав сотрудников — прежний, в том числе уже эмигрировавшие П. Нилус, А. Федоров, С. Тухолка...

Примечания

- ¹ Афанасьев В.А. Петро Олександрович Нілус. — К., 1963, с. 24.
- ² Цит. по: Панасенко Н.Н. Бунин в Одессе: Литературно-краеведческий справочник. — Одесса, 2002, с. 101.
- ³ Издательство было основано в декабре 1918 г. См.: Бельский М. Южная универсальная библиотека // Ор Самеах. — Одесса, 2007, 13 июня.
- ⁴ Тэффи. Ностальгия. — Л., 1989, с. 352, 363.
- ⁵ Устами Бунинных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин. В 2-х т. — М., 2005, т. I, с. 183. (Далее — Устами Бунинных. Т. 1.)
- ⁶ Толстая Е.Д. Деготь или мед: Алексей Толстой в 1917-1919 гг. // Дом князя Гагарина: Сб. науч. ст. и публ. — Одесса, 2004, вып.3, ч. 2, с. 70.
- ⁷ Катаев В.П. Святой колодец; Трава забвенья. — М., 1969, с. 196.
- ⁸ Купченко В.П. Жизнь Максимилиана Волошина: Документ. повествование. — С.Пб., 2000, с. 214-215.
- ⁹ Устами Бунинных. — Т. 1, с. 191. О собрании членов ТЮРХ, проходившем 10 апреля 1919 г., см.: Афанасьев В.А. Товариство південно-російських художників. — К., 1961, с. 114.
- ¹⁰ Копия письма находится в Отделе рукописных фондов Института истории фольклористики и этнографии им. М. Рильского НАН Украины. (Далее — ОРФ ИИФЭ). Ф. 20, оп. 1, ед. хр. 65, л. 36.
- ¹¹ Бунин И. Окаянные дни // Русские писатели — лауреаты Нобелевской премии: Иван Бунин. — М., 1991, с. 135.
- ¹² Катаев В.П. Святой колодец; Трава забвенья. С. 206-207.
- ¹³ Устами Бунинных. — Т. 1, с. 190-191.
- ¹⁴ Лазурский В.В. Путь к книге: Воспоминания художника. — М., 1985, с. 10.
- ¹⁵ Каталог Первой Государственной свободной выставки произведений искусств. — Пг., 1919, с. 28.
- ¹⁶ Устами Бунинных. — Т. 1, с. 192.
- ¹⁷ Там же, с. 193.
- ¹⁸ Там же, с. 194-195.
- ¹⁹ Собрания // Известия Одес. совета раб. депутатов. — 1919, 18 апр., № 16. (Далее — Известия...)
- ²⁰ ОРФ ИИФЭ. Ф. 20, оп. 2, ед. хр. 84. — Протокол собрания ТЮРХ. 10 апреля 1919 г.
- ²¹ В исполкоме // Знамя борьбы. — Одесса, 1919, 20 апреля, № 13.
- ²² Исключение М.Волошина // Знамя борьбы. — 1919, 25 апр., №16; Квитко И. Необходимо приступить к чистке // Известия... — 1919, 23 апр.
- ²³ Морфесси Ю. Жизнь, любовь, сцена // Волга. — Саратов, 1993, № 2, с. 128; об этом же: Коваленко Г.Ф. Александра Экстер в Одессе. 1919-1920 // Искусствознание. — М., 1999, вып. 2, с. 412.
- ²⁴ Бунин И. Окаянные дни // Русские писатели — лауреаты Нобелевской премии: Иван Бунин. — М., 1991, с. 107.
- ²⁵ Устами Бунинных. — Т. 1, с. 197.
- ²⁶ Там же, с. 211-212.
- ²⁷ Известия... — 1919, 1 июня, № 75.

- ²⁸ Устами Буниных. — Т. 1, с. 213. А.М. Федоров жил на собственной даче. Ныне — район дачи писателей.
- ²⁹ Там же, с. 213.
- ³⁰ 1-я народная выставка картин, плакатов, вывесок и детского творчества. Июнь 1919 г.: [Каталог]. — [Одесса, 1919].
- ³¹ Устами Буниных. — Т. 1, с. 220. Шесток и его племянница Оля — личности не установлены. Дима Лазурский — сын В.Ф. Лазурского. Рафаэль (Равчик) — внук А.М. Де-Рибаса. О нем пишет в публикуемых письмах Нилус.
- ³² Там же, с. 227.
- ³³ Комиссия по искусству // Южное слово. — Одесса, 1919, 27 авг. (9 сент.), № 1.
- ³⁴ Восстановление высшей художественной школы и консерватории // Одесский листок. — 1919, 31 авг. (13 сент.).
- ³⁵ Судьба художественных ценностей // Там же.
- ³⁶ Выставка картин // Южное слово. — 1919, 30 авг. (12 сент.), № 4.
- ³⁷ Что дал большевизм?: Анкета "Южного слова" // Там же, 25 окт. (7 нояб.), № 55.
- ³⁸ XXIX выставка картин Товарищества южнорусских художников: [Каталог]. — Одесса, 1919, с. 14.
- ³⁹ ОРФ ИИФЭ. Ф. 20, оп. 3, ед. хр. 119. л. 126. — Список проданных с выставки работ.
- ⁴⁰ Мошин А. У южнорусских художников // Единая Русь. — Одесса, 1919, 9(22) окт., № 47.
- ⁴¹ Рістог. 29-я выставка картин Т-ва южнорусских художников // Одесский листок. — 1919, 5(18) окт.
- ⁴² Де-Рибас А. О цветах на лугу // Одесский листок. — 1919, 6(19) окт.; На выставке // Там же, 15(28) окт.
- ⁴³ Пребывание Нилуса в Швейцарии в 1908 г. установлено по датировке одного из его пейзажей, "La dent du Midi. Французская Швейцария" (фр. — "Южная вершина"). — См.: Ретроспективная выставка картин П.А. Нилуса: [Каталог]. — Одесса, 1915, № 59.
- ⁴⁴ Одесское общество любителей художественной старины было зарегистрировано 15 марта 1917 г. См.: Статья о внесении обществ в реестр [...] // Ведомости Одес. градоначальства. — 1917, 11 апр.
- ⁴⁵ Лотерея картин в пользу Добровольческой Армии // Сын Отечества. — Одесса, 1919, 4 нояб.
- ⁴⁶ На лотерею — выставке картин в пользу Добровольческой армии // Южное слово. — 1919, 15(28) нояб.
- ⁴⁷ ОРФ ИИФЭ. Ф. 20, оп. 2, ед. хр. 84.
- ⁴⁸ Одесские новости. — 1919, 30 нояб.
- ⁴⁹ Южное слово. — 1919, 28 нояб. (11 дек.).
- ⁵⁰ ОРФ ИИФЭ. Ф. 22, оп. 1, ед. хр. 72.
- ⁵¹ Устами Буниных. — Т. 1, с. 266-267.
- ⁵² Лавров В. Холодная осень: Иван Бунин в эмиграции: Роман-хроника. — М., 1989, с. 50.
- ⁵³ Устами Буниных. — Т. 1, с. 270. Тухолка Сергей Владимирович (1874-1954) — дипломат, литератор, мемуарист. Оболенский — личность не установлена. Шуйский — личность не установлена.
- ⁵⁴ Цит. по: Лавров В. Холодная осень. С. 51.